

Ю.Е. Кондаков

Кризис государственно-церковных отношений и церковный консерватизм в первой половине XIX века

В своей типологии русского консерватизма первой четверти XIX века А.Ю. Минаков выделял «церковный консерватизм» [14, с. 18–19]. По мнению исследователя, к этому направлению принадлежали не только клирики, но и миряне (А.С. Шишков, М.Л. Магницкий, А.С. Стурдза, А.А. Орлова-Чесменская). Как представляется, данная интерпретация требует уточнения. Русский клир XIX века был достаточно закрытой кастой, подчинявшейся строгой дисциплине. Мирян же церковная дисциплина не сдерживала, их взгляды и направления деятельности были существенно шире. При этом в мировоззрении видных консерваторов (А.С. Шишкова, М.Л. Магницкого, А.С. Стурдзы), несомненно, присутствовали черты церковного консерватизма. Что же касается взглядов С.А. Ширинского-Шихматова, то их необходимо разделять на периоды – до и после пострига¹. При этом можно согласиться с мнением, согласно которому людей, принадлежавших к пастве видных священников-консерваторов и не имевших собственных политических взглядов, также следует относить к категории церковных консерваторов.

В XIX веке в основе доктрины российских консерваторов лежала идея защиты господствующего в стране вероисповедания и Русской православной церкви. Для светских консерваторов церковная сфера была неприкосновенна. Их ожесточенной критике подвергалось всё, что нарушало каноны и традиции (в том числе и исходившее от самой власти). В ином положении находился клир Русской православной церкви, в первую очередь епископат, с которым часто отождествлялась и отождествляется церковь.

Священство, потенциально принадлежавшее к консервативному направлению, всегда демонстрировало широкий спектр мнений по общественно значимым вопросам. Уже средневековая русская история полна сюжетов внутрицерковной борьбы. Имели место и конфликты в отношениях церковной и государственной властей. Митрополит Филипп (Колычев) был не только лишен сана и отправлен в ссылку, но и осужден церковным Собором. Такая же участь постигла патриарха Никона. Примеры же симфонии встречаются в русской истории крайне редко. Возможно, самый характерный – отношения отца и сына Романовых, патриарха Филарета и царя Михаила Федоровича.

Еще одной исследовательской проблемой является то обстоятельство, что некоторые клирики в течение жизни меняли свои взгляды. Непростые по-

¹ Тема корректировки взглядов вчерашнего мирянина, вошедшего в клир, достойна отдельного исследования.

литические биографии были и у некоторых епископов, причисленных к лику святых. Например, по мнению современников, в определенный момент политическими противниками являлись канонизированные впоследствии епископы Иннокентий (Смирнов) и Филарет (Дроздов).

В своей деятельности Русская православная церковь руководствуется евангельскими заповедями. Основатель Церкви предписывал ее членам подчиняться властям: «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мф. 22: 21). Ученики и ближайшие последователи Иисуса Христа в своих сочинениях комментировали его заповеди и также призывали христиан повиноваться властям. «Бога бойтесь, царя чтите», – писал апостол Петр (1 Петр. 2: 17). «Всякая душа да будет покорна высшим властям», – писал апостол Павел. Самой природе любой власти он придавал божественный характер: «Нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены» (Рим. 13: 1). Исходя из этого, противиться власти было то же самое, что противиться воле Бога: «Противящийся власти противится Божию установлению» (Рим. 13: 2).

Православная церковь всегда призывала свой клир воздерживаться от противодействия государственной власти. Но при этом сопротивление власти несправедливой было делом личной свободы каждого христианина. По этому поводу преподобный Варсонофий Великий говорил: «Из властей же да никто не утрашит вас, ибо воле Божьей никто противостоять не может. Всегда помните, что надобно до самой смерти подвизаться за истину. Господь да противостоит за вас на брань» [2, с. 13]. Зарождение консерватизма в России пришлось как раз на период кризиса в государственно-церковных отношениях. Клирикам невольно приходилось принимать участие в политической борьбе, защищая традиционные ценности.

XVIII век в государственно-церковных отношениях в России стал эпохой секуляризации. Петр I обезглавил церковное управление, упразднив соборность и патриаршество. Екатерина II окончательно забрала церковные земли и, выделив государственное содержание духовенству, во многом сравняла его с чиновничеством. Императрица редко встречалась с высшим духовенством, предпочитая передавать свои распоряжения через обер-прокурора Святейшего Синода. Следующие шаги в этом направлении сделал Павел I, введя награждение духовенства государственными наградами и отменив выборы приходских священников. Серьезнейший кризис в русской церковной жизни наступил при Александре I. Желая поднять престиж духовенства, император предпринял реформы, базировавшиеся на идеях, чуждых православному вероучению. Подобное направление религиозной политики вызвало формирование консервативного движения, в моих трудах именуемого *русской православной оппозицией*¹, куда входили и представители православного духовенства.

Одной из важнейших проблем, с которой русское духовенство столкнулось в конце XVIII – начале XIX века, было масонское движение. Появившись в России в середине XVIII века, масонство стремительно распространялось и

¹ Впервые к биографиям клириков Русской православной церкви, участвовавших в движении русской православной оппозиции, я обратился в 1998 году в монографии «Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801–1825)». За минувшие годы эту тему удалось углубить и расширить. Была написана биография одного из крупнейших представителей раннего русского консерватизма архимандрита Фотия (Спасского) [4], в дальнейшем появились статьи, посвященные Филарету (Дроздову), Феофилакту (Русанову), Амвросию (Подобедову), Иннокентию (Смирнову), Платону (Левшину), Михаилу (Десницкому) [9, с. 227–242; 3, с. 218–232; 7, с. 204–206; 10, с. 44–47; 12, с. 450–487]. Кроме того, в ряде моих исследований подробно рассматривались преобразования в церковной сфере, проводившиеся в первой половине XIX века [5, 13].

привлекало всё новых последователей. Вскоре такая активность озаботила государственную власть. Екатерина II и Павел I налагали негласные запреты на деятельность масонских лож, Александр I издал запретительный манифест, а Николай I повторил его в 1826 году. При этом и у Екатерины II, и у Александра I были периоды, когда к масонству они относились покровительственно и терпимо. Так же непросто было определиться в этом отношении и православным клирикам. Масонство является одним из сложнейших феноменов в мировой культуре. Оно же служит почвой для самых фантастических легенд и мифов, объединенных общим направлением – конспирологией. Сегодня информация по масонству является общедоступной и даже слишком обширной, чтобы в ней мог самостоятельно разобраться непрофессионал. В конце XVIII века это было тайное общество, внушавшее серьезные подозрения светской и духовной властям. В Европе папа Римский неоднократно придавал анафеме католикам, рискнувшим вступить в масонские сообщества. При этом Русская православная церковь до сих пор официально не сформулировала своего отношения к масонству (кроме частных мнений клириков и постановления Зарубежной церкви).

Проблема заключается в том, что в первый период своего существования масонское движение в России носило консервативный характер. Среди различных направлений масонства наиболее распространенными в России были «Исправленный шотландский устав», тамплиерские и розенкрейцерские системы. Они базировались на христианском учении, принимали в свои ряды только христиан и ставили своей задачей защиту монархического образа правления.

Другой проблемой было то, что в ложах первых степеней (на которых и останавливалось большинство известных русских масонов) фигурировало только морально-этическое учение. Адепта призывали к самосовершенствованию, борьбе с пороками, активной духовной жизни. Явления подобного порядка было сложно критиковать священнику, призывавшему свою паству к тому же самому. Начиная с мастерской степени, адептам преподавалось учение, основанное на сюжетах Ветхого Завета. В высших степенях выяснялось, что в Библии сокрыты тайны, доступные только посвященным. С таким подходом клирикам также было непросто спорить. В масонской иерархии брат, достигший высот познания, занимал соответствующее место в управляющих структурах. Церковная же карьера в XVIII веке редко определялась познаниями и талантом клирика. К тому же для российских масонов была обязательна церковная жизнь – участие в таинствах, соблюдение постов. При этом было очевидно, что руководители масонов составляют конкуренцию клиру и стремятся перехватить у него пастырские функции [11, 12].

Неопределенность отношения Русской православной церкви к масонскому движению, его консервативность и христианская ориентированность – всё это способствовало тому, что в ложи вступали и клирики. Масонские уставы предлагали посвящать священников по упрощенному обряду и зачастую тайно (в присутствии лишь руководителя ложи – «из рук в руки»). При этом часть имен сохранилась в протоколах лож, показаниях масонов и доносах. Крупнейшим из посвященных стал будущий митрополит Михаил (Десницкий). В 90-х годах XVIII века он возглавлял ложу «Теоретического градуса» в Петербурге.

Если само масонское учение клирики не могли критиковать хотя бы в силу неосведомленности, их внимание привлекала издательская деятельность масонов. При всей своей консервативности и патриотизме российские масоны были ориентированы на Запад. Масонство формировалось в Западной Европе, там находились его центры управления. В масонских ложах широко использовалась для обучения европейская философско-религиозная литература. Но проблема заключалась в том, что произведения католиков и протестантов (особенно их полемика между собой) зачастую были не совместимы с учением Русской пра-



вославленной церкви. Перевод и издание «мистической» литературы обычно было личным делом отдельных масонов-книгоиздателей (Н.И. Новикова, А.Ф. Лабзина, М.И. Невзорова), но иногда и прямым заказом «братьев». И в том, и в другом случаях «мистическая» литература становилась «лакмусовой бумагой», отражавшей консервативные взгляды клириков. На этой почве произошел целый ряд столкновений, возбуждались громкие следственные дела – Н.И. Новикова, Е.И. Станевича, И.Е. Госснера. Некоторые церковные деятели – митрополиты Михаил (Десницкий) и Филарет (Дроздов), священник Феодосий Левицкий – участвовали в переводе и распространении западных изданий. Другие – святитель Иннокентий (Смирнов), архимандрит Фотий (Спасский), протопресвитер Иоанн Полубенский – их порицали и критиковали.

Первым с проблемой масонской литературы пришлось столкнуться митрополиту Московскому Платону (Левшину). По приказу Екатерины II в 1786 году ему были переданы книги, издаваемые Н.И. Новиковым. Митрополит Платон поддерживал отношения с московскими масонами и даже передал на иждивение «Дружеского ученого общества» нескольких семинаристов. Сознавая плюсы и минусы масонского движения, он был вынужден пойти на компромисс. Из сотен книг Н.И. Новикова были признаны вредными всего шесть (сочинения просветителей), на собственно же масонские книги Платон отказался давать отзыв, сославшись на некомпетентность. Религиозные взгляды самого Новикова он оценил как самые положительные и православные. При этом Екатерине II митрополитом была направлена секретная записка (не сохранившаяся), в которой он высказывал свои взгляды на масонское движение.

В 1803 году с критикой европейской религиозной литературы, издававшейся в России, выступил священник Московской единоверческой церкви Иоанн Полубенский. Под псевдонимом Иван Петров он издал трехтомник «О внешнем богослужении и обязанностях человека и христианина». Автор констатировал, что в России издается множество книг на религиозную тематику, содержащих частные мнения о вере. В некоторых из них критикуется обрядовость Церкви. С этим явлением в первую очередь должны бороться представители духовенства. В отличие от последующих апологетических трудов, сочинение Полубенского содержало объяснение православных обрядов [9, с. 165–166]. Продолжением выступления Полубенского стало литературное течение «архаистов», направленное на защиту русского языка и культуры. В царствование Александра I выступать против европейской религиозной литературы православным клирикам приходилось неоднократно.

Взойдя на престол, Александр I не имел определенных планов в отношении церковной сферы. Его первой задачей стало наведение порядка в духовном ведомстве. В 1803 году император назначил обер-прокурором Святейшего Синода своего друга князя А.Н. Голицына. Опираясь на поддержку Александра I, Голицын начал реформы. Ключевым их направлением стало духовное просвещение. Для составления проектов преобразований был привлечен М.М. Сперанский. Он планировал взять под контроль финансы церкви и разделить духовенство на классы, в зависимости от образования, а также сделать духовное сословие открытым. Опасаясь конкуренции Сперанского, Голицын передал его проект на рассмотрение члена Святейшего Синода архиепископа Мефодия (Смирнова). Отзыв владыки Мефодия является одним из самых ярких проявлений церковного консерватизма. Архиепископ указывал, что каноническое право не допускает вмешательства властей в сферу компетенции епископов. Священники поставлены от Бога и распоряжаться ими может лишь Собор или Святейший Синод. Исходя из этого, Мефодий утверждал, что право реформ в церковной сфере принадлежит лишь епископам (рекомендации Мефодия по реформированию духовных училищ не сохранились). Благодаря отзыву Мефо-

дия проект Сперанского удалось смягчить и сделать более приемлемым для духовенства [8, с. 42].

Следующий пример проявления церковного консерватизма – история, связанная с реформатором масонства И.А. Фесслером. В 1809 году Фесслер был приглашен в только что открывшуюся Петербургскую духовную академию в качестве преподавателя еврейского языка. Здесь вместе с М.М. Сперанским он начали составлять планы преобразований масонских лож России. Кроме того, Фесслер предлагал модернизировать и преподавание в Академии. Он планировал преподавать студентам: еврейскую археологию, обряды и обычаи, дух закона Моисея, разбор поэзии и литературы, историю еврейских священных книг. Студенты, слушавшие лекции Фесслера, утверждали, что он отрицал божественность Иисуса Христа. С критикой преподавания Фесслера выступил член Комиссии духовных училищ архиепископ Феофилакт (Русанов). В своем отзыве на конспект лекций Фесслера Феофилакт отмечал, что преподавание духовных дисциплин нельзя доверять протестанту, к тому же не говорящему по-русски (не знакомому с обычаями Православной церкви). Феофилакт утверждал, что лекции Фесслера вредны для Церкви, в них заложены разрушительные начала. Он критиковал Фесслера за использование идей Платона и иллюминатов и неуважение к Священному Писанию [8, с. 53–54]. Отзыв Феофилакты стал основанием для отстранения Фесслера от преподавания в Духовной академии и перевода в Саратов.

Новый этап духовно-религиозной политики Александра I начался в 1813 году с открытием в Петербурге Российского библейского общества. Основанное в Англии, Общество ставило перед собой задачи перевода Библии на все существующие языки и как можно более широкого ее распространения. Предполагалось, что в рамках Общества будут сотрудничать клирики и паства всех направлений христианства. Окрыленный победами в войнах с Наполеоном Александр I вслед за объединением европейских государей в Священном Союзе пришел и к идее объединения христианских церквей. На практике эта идея реализовывалась в Министерстве духовных дел и народного просвещения (1817), куда вошли управления всех исповеданий империи. Во главе начавшихся преобразований стоял А.Н. Голицын. При его поддержке в России стала активно издаваться европейская религиозная литература. Эти издания рекомендовались для преподавания в духовных и светских учебных заведениях.

Клирики Русской православной церкви должны были принимать участие в работах Российского библейского общества, но по отношению к реформам, проводимым А.Н. Голицыным, их мнения разделились. Ректор Петербургской духовной академии епископ Филарет (Дроздов) считал, что необходимо участвовать в преобразованиях и влиять на государственную власть в православном направлении. Член Святейшего Синода митрополит Серафим (Глаголевский) не одобрял реформ, но не решался идти на конфликт с государственной властью. Активную позицию занял глава комитета духовной цензуры архимандрит Иннокентий (Смирнов). В частных беседах он заявлял, что «вредный дух» попадает в проповеди русского духовенства из западных сочинений. Иннокентий утверждал, что под видом очищения религии западные учителя хотят внедрить царство антихриста. В 1815 году Иннокентий отказался пропустить через цензуру популярную книгу И.Г. Юнга-Штиллинга «Победная повесть» (толкование «Откровения Иоанна Богослова»), направленную туда А.Н. Голицыным. В том же году она была пропущена через светскую цензуру и издана.

Книга Юнга-Штиллинга стала поводом к первому совместному выступлению писателей-«архаистов», православных клириков и их паствы в Петербурге и Москве (в своих работах я именую это движение «русская православная оппозиция»). В 1816 году оппозиционеры пытались передать императору книгу

С.И. Смирнова, в которой критиковалась издательская политика А.Н. Голицына. Вслед за этим архимандрит московского Симонова монастыря Герасим (Князев) направил письмо первоприсутствующему члену Святейшего Синода, в котором сообщал, что его прихожане стали приходить к нему с жалобами на издающиеся вредные книги: «Мученики» Шатобриана, «О таинстве креста», «О нетлении и сожжении всех вещей», «Победная повесть» Юнга-Штиллинга. Духовные власти оставили это послание без внимания.

Участники православной оппозиции были связаны тем, что признавали лишь легальные способы борьбы. Их позиция определялась тем, что император (получивший через помазание благодать Святого Духа) не может сознательно действовать во вред Российской православной церкви или допускать искажение ее учения. Отсюда уверенность в том, что на царя плохо влияют его ближайшие советники (А.Н. Голицын, Р.А. Кошелев), и для того, чтобы изменить религиозную политику, необходимо просто «открыть глаза царю». Это должно было быть сделано путем либо личной аудиенции одного из членов Святейшего Синода, либо в послании или книге, поднесенной императору. Так как Александр I не принимал высшее духовенство, то оставался лишь второй путь. С 1816 года православные оппозиционеры сделали ставку на издание книги, где бы разоблачались направления религиозной политики, наносящие ущерб учению Русской православной церкви. Первой попыткой было проведение через духовную цензуру книги С.И. Смирнова «Вопль жены, облеченной в солнце». Из-за разногласий в среде высшего клира выступление провалилось. Хотя книга и была подана царю, но ее не одобрила духовная цензура, а жалобы архимандрита Герасима и С.И. Смирнова не поддержали члены Святейшего Синода. При этом выступление русской православной оппозиции произвело должный эффект. В 1817 году, принимая решение об учреждении Министерства духовных дел и народного просвещения, Александр I выбрал проект, наиболее приемлемый для православного клира.

Министерство духовных дел и народного просвещения по замыслу императора должно было придавать просвещению безопасный, христианский характер. В министерство были сведены все высшие управления, ведавшие различными конфессиями России. Непосредственно в министерском департаменте велись дела особенно важные для светской власти. В Святейшем Синоде раньше такие дела находились в ведении обер-прокурора, теперь их курировал министр, осуществлявший непосредственную связь с императором. Не только высшее духовенство, но и обер-прокурор оказались устранены от прямого общения с высшей государственной властью. Высшие управления всех христианских и не православных конфессий оказались объединены в одном департаменте. Кроме того, министр А.Н. Голицын уже на уровне министерства продолжал проводить идеологию Библейского общества. Все эти мероприятия вызвали негодование церковных и светских консерваторов.

В первой четверти XIX века, когда высшее духовенство, лишенное доступа к царю, оказалось безгласно, клир, чтобы отстоять церковные интересы, должен был прибегать к сложной дипломатии. Первоприсутствующие члены Святейшего Синода, не имевшие права рисковать своим положением, должны были использовать наиболее способных клириков для проникновения к высшим властям и уже через них стараться влиять на церковные дела. Статус Санкт-Петербургского митрополита был таков, что он не мог открыто участвовать в политической борьбе или хотя бы просто обсудить с обер-прокурором интересующие его вопросы. Здесь нужен был посредник. При митрополите Амвросии (Подобедове) таковым являлся святитель Филарет (Дроздов), при митрополите Михаиле (Десницком) – архимандрит Иннокентий (Смирнов), при митрополите Серафиме (Глаголевском) – архимандрит Фотий (Спасский).

Центральную роль в выступлении русской православной оппозиции, состоявшемся после учреждения Министерства духовных дел и народного просвещения, играли писатель-архаист Е.И. Станевич и глава комитета духовной цензуры архимандрит Иннокентий (Смирнов). Оппозиционеры планировали подать императору книгу Станевича «Беседа на гробе младенца о Бессмертии души...», в которой критиковалась духовная литература, издававшаяся с ведома министра А.Н. Голицына. Сведения о взглядах архимандрита Иннокентия сохранились лишь в его биографии, написанной Фотием (Спасским). Указывалось, что Иннокентий вел строгий образ жизни, носил власяницу, дни и ночи проводил в молитвах. В его доме постоянно жили странники, богомольцы, калеки. Он беседовал с ними на разные религиозно-нравственные темы. Иннокентий критиковал многие направления духовной жизни царствования Александра I. Выступая против слабых и вредных проповедей, он говорил: «Мы плохие проповедники, проповедуем не для спасения душ, а для сотрясения воздуха... когда в проповеди есть семена лжи, проповедник убивает чад своих духовных». Иннокентий указывал, что «вредный дух» попадает в проповеди русского духовенства из западных сочинений. «Учителя Православной Церкви забыты, а на смену им пришли Массильон, Боссюэт, Бурдалу, Флешье... под видом очищения религии западные учителя хотят внедрить царство антихриста», – говорил он. Иннокентий беспощадно критиковал духовную литературу, издаваемую помимо духовной цензуры. Как наиболее вредные он отмечал произведения Беме, мадам Гюйон, Юнга-Штиллинга, Эккартсгаузена, Иерузалема. Иннокентий прекрасно видел реформистские покушения императора и указывал, что они порождают секты, ереси и расколы. По словам Фотия, Иннокентий отвергал «всякий дух, кой не дух Церкви Христовой, коим она дышала во святых Отцах» [17, с. 42].

3 сентября 1818 года Иннокентий допустил к изданию книгу Е.И. Станевича «Беседа на гробе младенца о Бессмертии души, тогда токмо утешительном, когда истина оного утверждается на точном учении Веры и церкви». С декабря 1818 года книга начала распространяться по столице. Центральной ее темой была критика учения «внутренней церкви». Автор последовательно опровергал основные постулаты «мистиков». Станевич писал, что «мистики» – это люди, заблуждающиеся и потерявшие истинную веру. Автор решительно осуждал нападения их на Русскую православную церковь, прямо указывая, что «нет у Бога иной Церкви, кроме видимой, и она Восточная Православная» [16, с. 37].

Узнав о выходе в свет произведения, критикующего его политику, А.Н. Голицын обратился с жалобой к императору. Голицын указывал, что книга наполнена беспрестанными противоречиями и «слог без всякого смысла»; автор оспаривает книги, уже пропущенные гражданской цензурой и получившие одобрение императора, берет под защиту Русскую православную церковь, хотя на нее никто не нападает. Доклад был утвержден Александром I. Иннокентию был объявлен строгий выговор. Вслед за этим, в обход обычного порядка, Иннокентий был рукоположен в епископы Оренбургские. Почетное назначение понадобилось для того, чтобы убрать владыку из столицы. Митрополит Михаил и обер-прокурор Святейшего Синода П.С. Мещерский обратились к А.Н. Голицыну с ходатайством за Иннокентия. В результате его назначение было изменено, и он был повторно рукоположен в епископы Пензенские и Саратовские. Выехав в свою епархию, Иннокентий скончался. Станевич смог вернуться из ссылки лишь в 1824 году, уже после победы православной оппозиции.

Провал выступления оппозиции в 1819 году привел к тому, что движение на некоторое время ушло в подполье. Между тем вокруг Библейского общества нарастал конфликт. Его деятельность в равной степени не нравилось представителям всех христианских церквей. Это привело к тому, что доверие Александра I к учреждениям А.Н. Голицына стало падать. На этом этапе митрополит

Серафим начал искать пути устранения соперника-министра. Его орудием стал архимандрит Фотий (Спасский), ученик владыки Иннокентия, унаследовавший его паству.

В годы учебы в Петербургской духовной академии и службы законоучителем в кадетском корпусе Фотий перенял многие особенности духовной жизни своего учителя Иннокентия. Он очень строго соблюдал посты, носил власяницу и вериги, ратовал за возвращение к благочестию XVII века. Уже в петербургский период своей деятельности Фотий начал борьбу с масонством. Собирал сведения о ложах, разоблачал их учение перед кадетами. Летом 1820 года Фотий был переведен игуменом третьеразрядного Деревяницкого монастыря вблизи Новгорода, а затем во второразрядный Сковородский монастырь. В это время он налаживает связь с паствой уже покойного Иннокентия. Вскоре духовной дочерью Фотия становится миллионерша графиня А.А. Орлова-Чесменская. В 1822 году во время пребывания в Петербурге Фотий знакомится с министром А.Н. Голицыным, на которого производит большое впечатление. Между ними завязалась переписка (до 1824 года). Влияние Голицына падало, и он решил привлечь на свою сторону Фотия. Князь устроил ему аудиенцию у Александра I. Результатом стали награждение Фотия драгоценным наперсным крестом и перевод в перворазрядный Юрьев Новгородский монастырь. Фотий же пытался влиять на Голицына в пользу Русской православной церкви и наладить отношения министра с митрополитом Серафимом.

В 1823 году в окружении Фотия появились М.Л. Магницкий, А.Б. Голицын и А.А. Павлов. Они призывали его к активному выступлению. В это время Фотий писал А.А. Орловой: «Малое стадо Господне – верные избранники Божьи зовут меня и с плачем извещают о семени лукавствия, сеянном в Церкви. А брат наш Александр князь Николаевич Голицын не видит, яко слеп, яко глух и нем; ни хладен он, ни тепел! Се! Настоит воистину подъять мне труд на поле жатвы. Пастырь наш добрый Серафим один вопиет; но сего мало подобает вскоре и мне вопль мой присовокупить к воплю пастыря моего, – да общим воплем по Бозе изгоним от стада Христова волков» [15, с. 25]. Объект выступления православных консерваторов ясно указан в послании Фотия: «Ныне в нас расколы умножаются; дух тьмы от бездны Адской в худых книгах силится закрыть свет истины... На седалище Святейшего Синода воссело Министерство Духовных Дел, а на место проповеди слова Божия в Церкви лепетание библейского общества единственно к отлучению от единения в Духе с Христом» [15, с. 33].

В начале февраля 1824 года митрополит Серафим вызвал Фотия в Петербург. Вместе они собрали компрометирующие А.Н. Голицына материалы. Удалось достать часть уже напечатанных листов книги И.-Е. Госснера «Евангелие от Матфея» (комментарии на Евангелие в протестантском духе). Из Москвы были получены выписки из «вредных» книг, сделанные писателем С.И. Смирновым. На основании этих материалов Серафим и Фотий составили жалобы и 12 апреля передали их царю. Ознакомившись с предоставленными ему материалами, Александр I лично встретился 17 апреля с Серафимом и 20 апреля с Фотием. Их доводы показались царю убедительными, и он отдал распоряжение Комитету министров расследовать обстоятельства, связанные с переводом и изданием книги И.-Е. Госснера. На этом этапе в борьбу вступил А.С. Шишков, которому было поручено дать отзыв на книгу. Основываясь на отзыве Шишкова, 22 апреля Комитет министров признал «Евангелие от Матфея» вредным и принял решение о высылке Госснера из России. А.Н. Голицыну совместно с митрополитом Серафимом было поручено выработать новый порядок цензуры духовных произведений. 23 апреля по распоряжению Серафима Фотий порвал отношения с А.Н. Голицыным и предал его анафеме.

Согласованное выступление православной оппозиции произвело впечатление на Александра I, тем более что предлагаемые ею мероприятия отвечали его планам. 15 марта 1824 года царь отправил в отставку А.Н. Голицына и объявил о расформировании соединенного министерства. Новым министром народного просвещения стал единомышленник Фотия А.С. Шишков, а президентом Библейского общества – митрополит Серафим.

Послания Фотия Александру I, написанные весной и летом 1824 года, являются наиболее ярким проявлением идеологии церковного консерватизма. Фотий сообщал царю, что в России готовится революция и ее проводниками являются: «Юнг-Штилинг, Эккартсгаузен, Гийон, Беме, Лабзин, великое число методистов, гарнгутеры, квакеры, Госснер, Феслер и прочие. Цель же всего та, чтобы всяким образом отвлечь от истинной веры, испоганить алтари и престолы, внушить отвращение ко всем властям. А особенно к царской и священной» [1, с. 269]. А.Н. Голицына Фотий обвинял в том, что он способствует революции, находясь под влиянием эмиссара общества иллюминатов Р.А. Кошелева. В послании 29 апреля Фотий предлагал царю: «1) Министерство духовных дел уничтожить, а другие два отнять у настоящей особы. 2) Библейское общество уничтожить под тем предлогом, что много уже напечатано Библий, и они теперь не нужны. 3) Синоду быть по-прежнему, и духовенству надзирать при случаях за просвещением, не бывает ли чего противного власти и вере. 4) Кошелева отдалить, Госснера выгнать, Фесслера изгнать и методистов выслать, хотя главных». Фактически все эти предложения Александр I претворил в жизнь в указах 15–17 мая 1824 года.

В послании 7 мая Фотий писал царю о заговоре тайных обществ, имеющем целью учреждение универсальной монархии и «тысячелетнего царства Христова в Иерусалиме». В посланиях, отправленных в течение лета, Фотий сообщал, что тайные общества хотят ниспровергнуть Россию, силясь втянуть ее в войну с Турцией, сделать конституционную реформу, ввести равенство, истребить самодержавие. Чтобы не препятствовало духовенство, введено было соединенное министерство, работавшее над созданием всеобщей религии. Для содействия этим целям англичане учредили Библейское общество. Все это – интрига Англии и тайных обществ, направленная на разорение России. Фотий рекомендовал императору закрыть Библейское общество, так как оно создано для разрушения веры и подготовки реформы Церкви и государства.

После отставки А.Н. Голицына император никак не реагировал на послания Фотия. Более того, Голицын не утратил доверия царя, сохранил пост главноуправляющего почт и имел возможность перевести под свое управление сотрудников из расформированного министерства. В своей канцелярии Голицыну было разрешено вести все интересующие его дела по духовному ведомству (докладывались им прямо царю) [6, с. 51–53]. Хотя Святейший Синод вернулся к дореформенному устройству, но в нем появилось огромное ведомство обер-прокурора (созданное на основании отдела расформированного департамента духовных дел). Высшее духовенство по-прежнему не имело доступа к царю. Дела Святейшего Синода доводились через А.А. Аракчеева.

Фотий пытался влиять и на следующего императора. 4 февраля 1826 года он отправил письмо Николаю I, убеждая его продолжить борьбу с врагами Церкви и государства. К посланию был приложен «Обзор плана революции, предназначенного от тайных обществ, в 1815 году в СПб. в Морской типографии напечатанного, и имеющего аки бы скоро исполниться, с прибавлением к тому актов революционных о начале, ходе и образовании тайных обществ в России». Фотий находил истоки восстания декабристов в религиозной политике предыдущего царствования.

Николай I не терпел любой оппозиции, и вскоре А.А. Аракчеев, А.С. Шишков и М.Л. Магницкий были отправлены в отставку. Фотий был взят под надзор и изолирован в своем монастыре.

Несмотря на то, что Николай I фактически разгромил русскую православную оппозицию, на многих направлениях он действовал в русле рекомендаций консерваторов. Натиск на права Русской православной церкви прекратился. Высшее духовенство получило возможность вести диалог с императором и влиять на принятие решений в духовной сфере. В обширное ведомство обер-прокурора были переданы дела Церкви, особенно интересовавшие светскую власть. По сути это было повторение реформ Александра I, но по форме не выходило за рамки традиционных государственно-церковных отношений в России. Реформы, проводившиеся под руководством графа Н.А. Протасова, хотя и не приветствовались духовенством, но формирования оппозиции не вызвали. В этот период защита прав Русской православной церкви стала прерогативой членов Святейшего Синода. Митрополиты Серафим и Филарет неоднократно добивались корректировки указов в консервативном ключе. Церковный консерватизм проявлялся в первую очередь в практических действиях клириков.

И сегодня в рядах духовенства Русской православной церкви есть священники, критикующие высшую государственную и церковную власть. Основным тезисом церковного консерватизма является незыблемость церковного учения. В XIX веке выдвигался тезис возвращения к церковному благочестию XVII века, в XXI веке предлагается ориентироваться на дореволюционный порядок. И в том, и в другом случаях прежняя церковная жизнь идеализируется. А современные государственно-церковные отношения критикуются, исходя из того, что в прошлом они были более гармоничны.

Разумеется, государственно-церковные отношения в России первой половины XIX века были далеки от идеала симфонии властей. Государственная власть грубо вмешивалась в церковную сферу, игнорируя мнение духовенства. Подавляющее большинство клириков никак не реагировали на сложившуюся ситуацию. Были и те, кто сотрудничал с властями в проведении реформ. Но всегда находились священники, занимавшие активную позицию, выступающие в защиту Церкви и ее учения. Таких людей с уверенностью можно отнести к группе церковных консерваторов. Иногда такие выступления были проявлением личной инициативы, иногда носили явный или скрытый коллективный характер. Такие священники увлекали за собой и часть паствы. Подобные выступления вызывали особенное беспокойство властей и иногда приводили к корректировке курса.

Выше приводились примеры проявления церковного консерватизма. Как представляется, критика конкретных проявлений политики правительства в религиозной сфере велась православной оппозицией с прицелом на изменение этого курса в целом. Наиболее выражено эта цель проявилась в отзыве митрополита Мефодия на проект реформы духовных училищ. Он прямо утверждал, что государственная власть не имеет права вмешиваться в церковную сферу, так как эта область принадлежит епископату, Синоду и Собору.

Широкую картину взглядов церковных консерваторов рисуют и послания архимандрита Фотия Александру I и Николаю I, находившимся под покровом благодати миропомазания. Любые мероприятия императоров, наносящие ущерб Церкви, трактуются влиянием плохих советников или даже заговором. Для мировосприятия священника привычны силы тьмы, властвующие над человеком в земном мире. Этот элемент Евангельского вероучения переносится и на политику. Незримые силы тьмы воплощаются в мировом заговоре, призванном сокрушить Алтари и Престолы.

Особенно актуальным такой подход становился на фоне европейских революций. В качестве темных сил воспринимались тайные общества, среди

которых были и масонские ложи. Вслед за европейскими авторами церковные консерваторы усматривали обширный заговор, начинающийся за рубежом и оканчивающийся у российского трона. В ряде случаев их борьба со «всемирным заговором» давала положительные плоды и заставляла власть корректировать политику в отношении Церкви.

Основным отличительным критерием церковного консерватизма было то, что его сторонники нередко выступали с критикой властей. В целом же для российских консерваторов первой половины XIX века, напротив, было свойственно избегать такой критики, оберегать престол, в том числе и от внутренних врагов. По классической модели симфонии властей, государство должно было защищать Церковь и заботиться о распространении вероучения. Церковь же должна влиять на государство в православном духе. Эту миссию и брали на себя церковные консерваторы. Если Святейший Синод молчал, а голос епископата не был слышен властям, то на стражу интересов Церкви вставали церковные консерваторы. Для них симфония властей была не абстрактной теорией, а своего рода программой действий. Этим они отличались от прочих клириков, консервативных по самой своей природе.

Литература

1. Автобиография архимандрита Фотия (Спасского) (1792–1838) / Сост. В.В. Улыбин, Ю.Е. Кондаков. СПб., 2013.
2. Власть: Основы отношения к властям, обществу и государству. М., 1998.
3. Кондаков Ю.Е. Архиепископ Феофилакт (Русанов) и митрополит Амвросий (Подобедов) во внутрицерковном соперничестве в начале XIX в. // XV Ежегодная богословская конференция ПСТГУ: Материалы. Т. I. 2005. М., 2005. С. 218–232.
4. Кондаков Ю.Е. Архимандрит Фотий (1792–1838) и его время. СПб., 2000.
5. Кондаков Ю.Е. Государство и православная церковь в России: эволюция отношений в первой половине XIX века. СПб., 2003.
6. Кондаков Ю.Е. «Запрет» масонских лож Николаем I (на материалах Главного управления почт) // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. СПб., 2012. С. 43–56.
7. Кондаков Ю.Е. Иннокентий (Смирнов) // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: Энциклопедия. М., 2010. С. 204–206.
8. Кондаков Ю.Е. Князь А.Н. Голицын: придворный, чиновник, христианин. СПб., 2014.
9. Кондаков Ю.Е. Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века. СПб., 2005.
10. Кондаков Ю.Е. Митрополит Платон (Левшин) и Орден злато-розового креста // История в подробностях. 2011. № 6 (12). С. 44–47.
11. Кондаков Ю.Е. Орден золотого и розового креста в России. Теоретический градус соломоновых наук. СПб., 2012.
12. Кондаков Ю.Е. Розенкрейцеры, мартинисты и «внутренние христиане» в России конца XVIII – начала XIX в. СПб., 2011.
13. Кондаков Ю.Е. «Русская симфония» – четыре века испытания на прочность. (Государственная власть и церковные реформы в России XVI–XIX веков): Учебное пособие. СПб., 2006.
14. Минаков А.Ю. Рождение русского консерватизма: уроки прошлого // Тетради по консерватизму. 2014. № 3. С. 12–31.
15. Послания Фотия к А.А. Орловой-Чесменской // Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 847. Д. 37. № 50.
16. Станевич Е.И. Беседа на гробе младенца о Бессмертии души. 2-е изд. СПб., 1825.
17. Фотий, архимандрит. Сказание о житии и подвигах блаженного Иннокентия епископа Пензенского и Саратовского // Российский государственный архив древних актов. Ф. 1208. Оп. 3. Д. 30.

Аннотация. Статья посвящена государственно-церковным отношениям в первой половине XIX века, когда консервативная часть русского духовенства выступила против реформ в религиозной сфере. После ряда единоличных выступлений сформировалось движение русской православной оппозиции. В результате сложной политической борьбы клирикам-консерваторам удалось достичь успеха.

Ключевые слова: государство и церковь, консерватизм, духовенство, политическая борьба, масонство, православие, христианство, религиозная литература.

Yury Kondakov, Ph.D. in History, Professor, History Department, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint-Petersburg). E-mail: urakon@rambler.ru

The Crisis in State-Church Relations and Church Conservatism in the First Half of the XIX Century

Abstract. The article deals with state-church relations in the first half of the XIX century. At that time, the conservative wing of the Russian clergy opposed the religious reforms. A series of individual statements was followed by the emergence of the Russian Orthodox opposition movement. Fierce political struggle resulted in the victory of the conservative clergy.

Keywords: State, Church, Conservatism, Clergy, Political Struggle, Freemasonry, Orthodoxy, Christianity, Religious Literature.